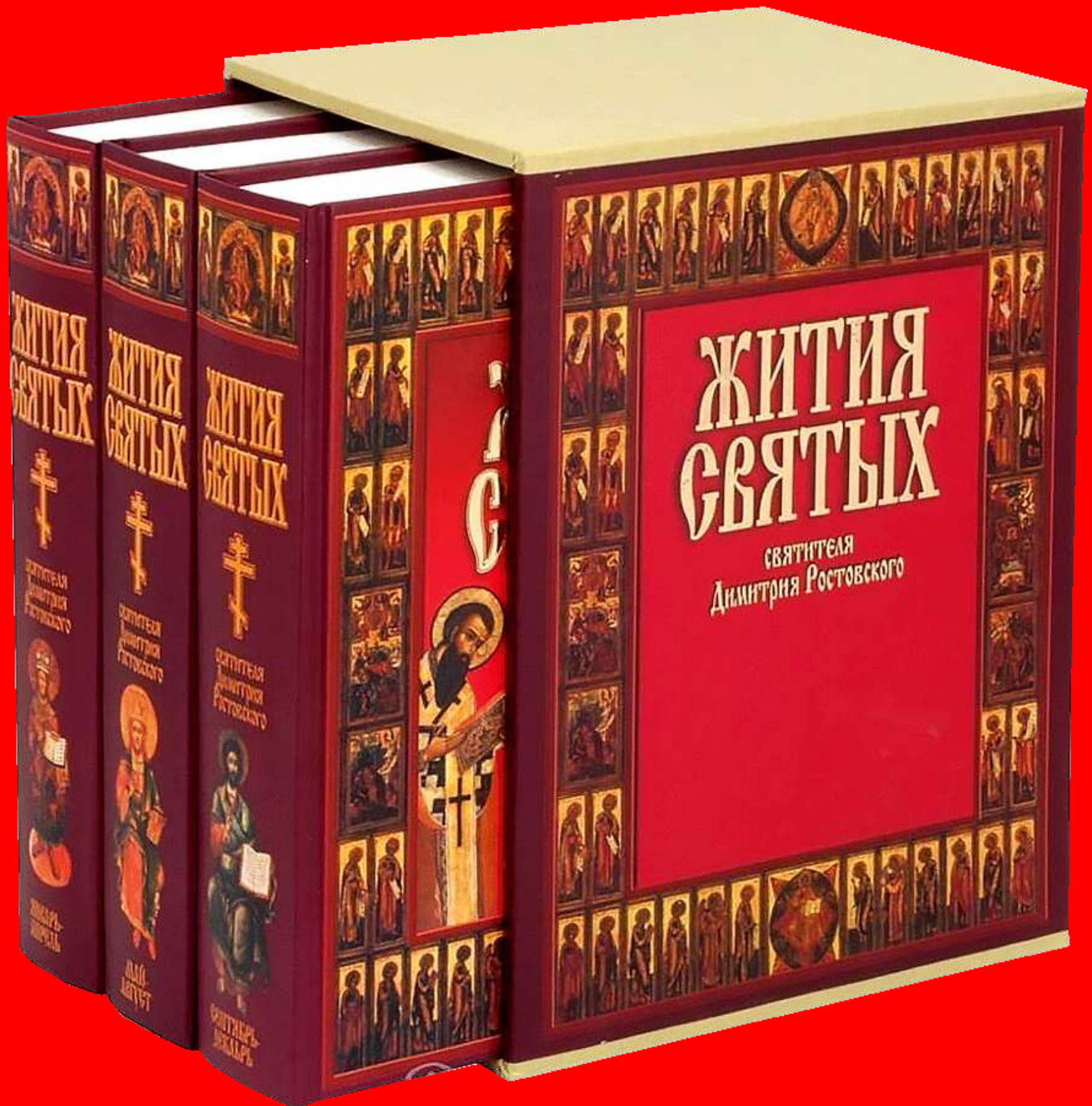

TEZĂUR LITURGIC
25 IULIE
SF.DIMITRIE AL ROSTOVULUI

VIAȚA
SF.CUVIOASE
EUPRAXIA
DE LA
THEBAIDA

MOSCOVA, 2016

Память 25 июля

Житие преподобной девы Евпраксии

Во дни благочестивого царя Феодосия Великого¹ был в Константинополе² один знатный сановник Антигон, родственник царю, человек разумный и в словах и в поступках, мудрый в советах; он давал всегда добрые и полезные указания в делах государственных, кроме того он был добр, сострадателен к людям, милостив к нищим и охотно помогал всем, кто просил его. Царь любил его не только как родственника, но и как благочестивого христороубца и хорошего советника. Антигон был также и очень богат, настолько, что после царя не было никого богаче его. Он взял себе в супруги красивую девицу также из царского рода, по имени Евпраксию; она была благочестива и богобоязненна, любила посещать святые церкви, молилась Богу со слезами и щедро одаряла храмы Божии на украшение святынь Господних. У Антигона и Евпраксии, этой знатной, богоугодной четы, соединенной телом и душой, любимой царем и царицей, родился ребенок девочка, и назвали ее по имени матери Евпраксией. Однажды, после

ее рождения, Антигон сказал своей жене Евпраксии:

– Ты знаешь, жена, что эта жизнь коротка и что богатства этого суетного мира – ничто: жизнь человеческая едва продолжается до восьмидесяти лет, богатства же, приготовленные на небесах боящимся Бога, пребывают бесконечные века. А мы, связанные мирскими заботами и прельщаемые временными богатствами, проводим наши дни в суете, не приобретая никакой пользы своей душе.

Услышав это, Евпраксия спросила Антигона:

– Что же нам надо делать, господин мой?

Антигон отвечал:

– Мы родили о Боге одну дочь, и довольно нам одной, прекратим плотской супружеский союз, – будем жить дальше без этого.

Тогда Евпраксия подняла руки кверху, возвела очи на небо и со вздохом сказала мужу:

– Благословен Господь Бог, приведший тебя в страх Его и наставивший тебя на разум истинный. Не скрою, господин мой, я много раз молила Бога, чтоб просветил Он сердце твое и вложил тебе в ум такую благую мысль, но никогда и не решалась высказать тебе свое желание; раз ты сам заговорил об этом, то позволь и мне кое-что сказать.

– Скажи, госпожа моя, что ты хочешь, – согласился Антигон.

– Ты знаешь, господин мой, – продолжала Евпраксия, – что говорит Апостол: **"Время уже коротко, так что имеющие жен должны быть, как не имеющие; и плачущие, как не плачущие; и радующиеся, как не радующиеся; и покупающие, как не приобретающие; и пользующиеся миром сим, как не пользующиеся; ибо проходит образ мира сего"** (1Кор.7:29-31). Итак, давай проводить эту кратковременную жизнь как ты хочешь, без плотского сношения, чтобы вместе улучшить во веки нетленную жизнь. А столько богатства, как у нас теперь, и столько имени – на что нам? разве возьмем что-нибудь из них с собою в гром? поэтому с добрым намерением твоим раздай и это нищим, чтоб не бесплодно было решение, принятое нами.

Услышав эти слова супруги своей, Антигон прославил Бога и начал щедро раздавать свое имение нищим; с супругою же своею он жил, как брат с сестрой, без плотского сношения, во взаимной духовной любви, единомысленно и единомысленно угождая Богу. Поставив себе такие добродетельные правила в жизни, Антигон преставился к Господу, прожив только один год без соития с женою; и оплакивали его царь и

царица, как родственника и как праведного и благочестивого человека. Соболезновали они и о овдовевшей Евпраксии, еще очень молодой: она жила только два года и три месяца в супружеских сношениях с мужем, и один год без них. После погребения Антигона, царь и царица старательно утешали Евпраксию. Она же, взяв свою дочь, дала ее им на руки и, упав им в ноги, сказала с плачем и рыданием:

– В руки Божии и ваши отдаю эту сироту; примите ее в память родственника вашего Антигона и будьте ей вместо отца и матери. Многие из присутствовавших при этом прослезились, и сам царь с царицей плакали. Через четыре года после этого, когда отроковице Евпраксии было пять лет, царь, посоветовавшись с матерью ее, обручил ребенка с одним из сенаторских сыновей, благородным юношей, который обещался ждать, пока подрастет отроковица; утвердив это, царь велел Евпраксии взять у него залог и обязательство. Спустя несколько времени, один сенатор захотел жениться на Евпраксии, вдове Антигона, и просил царицу через некоторых знатных женщин тайно от царя уговорить Евпраксию согласиться на брак с ним. Царица послала от себя придворных женщин ко вдове Евпраксии, советуя ей выйти замуж за помянутого сенатора.

Услышав это, Евпраксия заплакала и сказала пришедшим к ней женщинам:

– Горе вам будет в будущей жизни за то, что вы подаете такой совет мне, обещавшей Богу жить в чистоте вдовства; уйдите от меня: ваш совет противен моему желанию!

Получив такой укор, они со стыдом ушли и рассказали об этом царице. Когда узнал об этом царь, он сильно разгневался на царицу и стыдил ее:

– Ты сделала, – говорил он, – совсем неприличное тебе дело! Разве достойно оно христианской царицы? Так ли ты обещалась Богу царствовать благочестиво? Так ли ты помнишь Антигона, близкого нам родственника и полезного советника? Жену его, мало пожившую с ним и при нем еще, согласно с его желанием, избравшую чистую жизнь для Бога, ты убеждаешь опять возвратиться к мирской жизни! Бога ты не боишься! Над тобой, неразумной, всякий смеяться будет!

От этих слов царице стало так стыдно, что она, как камень, молчала часа два. И немалая ссора была у царя с царицей из-за Евпраксии.

Услышав о том, Евпраксия очень опечалилась, скорбя смертельно; лицо у ней похудело. Она решила тайно удалиться из Царьграда и с

горькими слезами сказала своей дочери Евпраксии:

– Дитя мое, у нас в Египте большое имение, пойдём туда, ты посмотришь имущество твоего отца и мое: ведь это всё твое.

Вместе с дочерью и немногими рабами и рабынями она тайно от царя ушла из города и, прибыв в Египет, стала наблюдать за своими имениями. Она отправлялась иногда во внутреннюю Фиваиду со своими слугами и экономами и, обходя церкви и монастыри, мужские и женские, делала много пожертвований, щедро раздавая золото и серебро.

Был там близ города один девический монастырь Тавеннский со стад тридцатью монахинями, о богоугодных делах которых много хорошего рассказывали в народе: ни одна из них не пила вина, не вкушала масла, винограда и каких-либо плодов. Некоторые из них, которые поступили в монастырь с детства, никогда и не видели последних. Пища их была хлеб с водой, сочиво и зелень, и то без масла.

Они ели один раз в день, вечером; некоторые же – через день, а иные через два дня принимали немного пищи. Они никогда не отдыхали и не мылись. О бане нечего и говорить: они и слышать не могли об обнажении тела, и самое

слово баня употреблялось у них в упрек, в стыд и насмешку. Каждой постелью служило волосяное рубище на земле, трех локтей в длину и один локоть в ширину: на этом они спали и то немного. Одеждой их были власяницы, длинные до земли, покрывавшие их ноги. И каждая трудилась по силе, сколько принимала никакого лекарства, но с благодарностью переносила болезнь, как бы принимая великое благословение от Бога, и от Него одного ждала помощи. Никто из них не выходил за монастырские стены и не разговаривал с приходившими, а все переговоры велись через одну привратницу: всё усердие их было направлено на собеседование с Богом в молитве и на угождение Ему. Потому и Бог принимал их молитвы и творил много ради них знамений, подавая исцеление всяким больным, которые стекались туда. Блаженной вдове Евпраксии очень понравился этот монастырь достойною удивления жизнью этих монахинь; она часто приходила туда с дочерью и приносила в церковь свечи и ладан. Однажды она сказала игумении и другим старшим сестрам: – Я хочу вашему монастырю принести небольшой дар в двадцать или тридцать литр³ золота, чтобы вы помолились Богу обо мне, о дочери моей и об умершем ее отце Антигоне.

Игуменья же – она была диаконисса⁴, и звали ее Феодулой – так отвечала ей:

– Госпожа моя, этим рабыням твоим вовсе не нужно ни золота, ни имущества: они всё отвергли в этом мире, чтобы сподобиться наслаждения вечными благами, поэтому мы ничего не хотим иметь на земле, чтоб не лишиться небесных богатств. Впрочем, чтоб не опечалить тебя, – принеси немножко масла в церковные лампы, свечей а ладану, и получишь за это награду от Господа.

Евпраксия так и сделала, и просила игуменью и всех сестер помолиться об ее муже Антигоне и о дочери.

Однажды, когда Евпраксия пришла, как обыкновенно, в этот монастырь, то игуменья, словно по внушению от Духа Божия, сказала маленькой девочке Евпраксии:

– Госпожа моя Евпраксия, любишь ли ты этот монастырь и этих сестер?

– Да, госпожа, – отвечала та, – я люблю вас.

– Если ты любишь нас, – продолжала игуменья, – то останься с нами в иноческом образе.

Девочка отвечала:

– В самом деле, если не будет огорчена моя мать, я не уйду отсюда.

Тогда игуменья спросила ее:

– Скажи мне правду, кого ты больше любишь: нас или своего обрученного?

– Я его не знаю, – отвечала девочка, – а вас знаю и люблю. Скажите же и вы мне, кого вы больше любите: меня или Того, как вы называете, Обручника?

Игуменья отвечала:

– Мы любим тебя и Христа нашего.

Девочка на то призналась:

– И я люблю вас и Христа вашего.

А мать ее Евпраксия сидела, слушала благоразумные речи своей дочери, и обильные слезы текли из глаз ее. Слушала и игуменья с умилением слова маленькой девочки и удивлялась, как она, еще ребенок – ей не было еще полных семи лет – так умно отвечала.

Наконец, мать, которой жалко стало дочери, сказала ей:

– Пойдем, дитя мое, домой, уж вечер.

Но девочка отвечала на это:

– Я останусь здесь с госпожой игуменьей.

На это игуменья заметила ей:

– Ступай с матерью домой, тебе нельзя здесь остаться: здесь может жить только такая девушка, которая посвятила себя Христу.

– А где Христос? – спросила девочка. Игуменья обрадовалась и показала ей пальцем на образ

Христа. Девочка побежала, поцеловала икону Спасителя и, обратившись к игуменье, сказала: – Воистину и я обещаюсь Христу и не уйду отсюда с матерью, но останусь с вами.

– Дитя, возразила игуменья, тебе не на чем спать, тебе нельзя остаться здесь.

– На чем вы спите, – отвечала девочка, – на том и я буду.

Уже вечер склонялся к ночи, а мать с игуменьей всё уговаривали всячески девочку уйти из монастыря и пойти домой, но ничего не могли сделать, так как она вовсе не хотела уходить оттуда. Наконец, игуменья сказала ей:

– Дитя, если ты хочешь здесь жить, то ведь надо будет учиться грамоте, псалтири и – поститься до вечера, как и другие сестры.

– И поститься буду, согласилась девочка, и учиться всему буду, только оставьте меня здесь.

Тогда игуменья сказала матери:

– Госпожа моя, оставь ее здесь: вижу, что воссияла в ней благодать Божия, что праведные дела отца ее и твоя чиста жизнь, и обоих вас родительские молитвы и благословение ведут ее в жизнь вечную.

Тогда стала благородная Евпраксия, подвела к иконе Спасителя свою дочь, подняла руки вверх и сказала со слезами:

– Господи Иисусе Христе, Ты позаботься об этом ребенке: Тебя желала она тебе отдала себя!
Потом обратилась к девочке:

– Евпраксия, дочь моя! Бог, утвердивший неподвижно горы, да утвердит тебя в страхе Своем.

С этими словами, отдала она девочку в руки игуменьи, а сама плакала и била себя в грудь, и все монахини плакали с ней вместе. Итак она вышла из монастыря, отдав дочь свою Богу.

На утро рано пришла она опять в монастырь.

Игуменья взяла девочку Евпраксию, привела ее в церковь и, совершив молитву, облекла ее в ангельский иноческий образ при матери ее.

Мать, увидев ее в ангельском чине, воздела руки к небу и так начала молиться о ней Богу:

– Царь вечный, начавший в ней благое дело, Ты и доверши его, – дай ей исполнять волю Твою святую; пусть получит милость у Тебя, Творца, эта сирота, отдавшаяся Тебе с детства.

Потом она спросила дочь:

– Дитя мое, нравится ли тебе эта иноческая одежда.

– Да, я люблю ее, – отвечала девочка, потому что я слышала от госпожи игуменнии и от других монахинь, что эту одежду дает Христос в залог обручения любящим Его.

Мать сказала на это:

– Христос, Которому ты обручена, дитя, Он да удостоит тебя Своего чертога.

С этими словами она поцеловала свою дочь, потом, простившись с игуменьей и всеми сестрами, вышла из монастыря. По своему обыкновению, она стала посещать и другие монастыри в Египте, и пустынные и городские, а также жилища нищих, помогая своим имуществом всем бедным и нуждающимся. Повсюду разносилась слава о блаженной вдове Евпраксии, о ее добрых делах и многочисленных милостях; дошли слухи об этом и до самого царя Феодосия Великого и до его вельмож; все дивились такой жизни ее и славили Бога, Который укреплял ее. Слышно было о ней, что она ни рыбы не ест, ни вина не пьет, постится каждый день до вечера, и поздно вечером принимает очень немного постной пищи, кутьи или овощей; всех удивляло такое воздержание ее при громадных средствах. Спустя несколько лет игуменья названного выше монастыря пригласила к себе добродетельную вдову Евпраксия и сказала ей тайно:

– Госпожа моя, я тебе хочу сообщить важное дело, но не пугайся.

– Говори, госпожа моя, что ты хочешь, – отвечала она. Игуменья сказала следующее:

– Если ты хочешь распорядиться относительно своей дочери, то делай это поскорее. Я видела в сновидении твоего мужа Антигона, в великой славе стоящего перед Владыкой Христом и молящего Его, чтоб Он велел тебе оставить тело свое и пребывать с ним вместе, наслаждаясь такою же славой, какой он сподобился за свою добродетельную жизнь.

Услышав это, благочестивая женщина не только не смутилась, но даже очень обрадовалась: она желала расстаться с телом и отойти ко Христу. Она тотчас позвала свою дочь, которой было уже около двенадцати лет, и сказала ей:

– Дитя мое, Евпраксия! вот меня уже зовет Христос, как сообщила мне мать игуменья, и близок день моей кончины; поэтому всё имущество твоего отца и мое я отдаю в твои руки, распорядись им честно, чтоб унаследовать тебе Царство Небесное.

Девушка Евпраксия заплакала и сказала:

– Горе мне! осталась я одна сиротой!

– Дитя, – сказала ей мать, – у тебя есть отец Христос, Которому ты обручилась; ты не остаешься одинокой сиротой: вместо матери у тебя будет госпожа игуменья, только старайся исполнить то, что обещала Христу. Бойся Бога, уважай сестер, повинуйся им со смирением; никогда не думай в душе о том, что ты царского

рода, и не говори: им следует работать на меня, а не мне на них, но будь смиренна, и будет тебя любить господь; будь нищей на земле, и будешь богата на небе. Вот, всё в твоих руках: если монастырь будет нуждаться в деньгах, дай, сколько будет нужно, и молись за меня и отца твоего, чтоб нам получить милость от Бога и избавиться от вечной муки.

Такой завет дала своей дочери блаженная Евпраксия; через три дня она преставилась ко Господу и была погребена в том монастыре. Услышал царь, что умерла Евпраксия, жена Антигона, призвал того сенатора, с сыном которого была обручена девочка Евпраксия, и сказал ему, что она отрешилась от мира и ушла в монастырь. Он же убедительно просил царя послать за ней поскорее, чтоб она немедленно явилась в Царьград к своему жениху, и чтоб состоялся брак их. Царь поспешил это исполнить. Но невеста Христова Евпраксия, получив и прочитав письмо царя, рассмеялась, сели и написала ему лично следующее:

– Владыко царь! неужели ты прикажешь мне, рабе твоей, оставить Христа и соединиться с человеком тленным и смертным, который сегодня жив, а завтра его будут есть черви? Не заставляй меня этого делать и пусть тот человек не беспокоит из-за меня твое величество: ведь я

уже невеста Христова и мне нельзя обмануть Его. Но я прошу ваше величество в память моих родителей взять всё их имущество и раздать святым церквам и монастырям, нищим, вдовам и сиротам; затем, отпусти на волю рабов и рабынь и прикажи управителям родительских имений простить все долги должникам: исполни всё, как следует, владыка мой, чтоб мне без заботы и препятствия служить Христу моему, Которому я вверилась всей душой. Владыко царь и царица, помолитесь и вы Господу обо мне, рабе вашей, чтоб он удостоил меня послужить Ему.

Написавши собственноручно такой ответ, Евпраксия запечатала его и отдала посланному; тот возвратился в Царьград. Получив письмо Евпраксии, царь прочел его вместе с царицею наедине, и много слез пролили они от умиления и молились Богу об Евпраксии. На другой день царь созвал всех вельмож и в числе их отца того юноши, с которым была обручена Евпраксия, и велел при всех прочесть ее письмо; все слышавшие в слезах говорили:

– Царь, по истине эта девица из твоего рода, прекрасное дитя прекрасных родителей Антигона и Евпраксии, святой отпрыск от святого корня!

И все, как один человек, славили за нее Бога. Отец жениха тоже не посмел ничего сказать царю об Евпраксии. Царь же распорядился, как следовало, всем имуществом ее, оставшимся ей после родителей, раздав его церквам и нищим и таким образом исполнив ее желание; прожив немного после этого, царь отошел к Господу. А Евпраксия начала еще усерднее подвизаться, угождая Богу, и постилась сверх сил; ей было тогда двенадцать лет, когда она избрала себе самый суровый образ жизни. Сначала она ела один раз в день, и то вечером, а потом она стала поститься до следующего и наконец до третьего дня. Она трудилась, служа сестрам со всевозможным усердием и исполняя со смирением самую черную работу: мела трапезную комнату и другие кельи, стлали сестрам постели, носила на кухню воду и дрова, варила пищу, мыла посуду, и во всех монастырских службах не было усерднее ее. В том монастыре существовал обычай: если какая-либо сестра подверглась искушению во сне от диавола, то должна была тотчас сказать об этом игумении; а та со слезами молилась Богу, чтоб Он отогнал от той сестры диавола, и приказывала ей каменье, насыпать их под волосяную постель и спать на ней, а сверху на постель насыпать пеплу и спать так десять дней.

Однажды и Евпраксия подверглась во сне некоторым соблазнам от искусителя; тогда она набрала камней под свою волосяную постель и посыпала ее сверху пеплом. Увидев это, игумения улыбнулась и сказала одной из старших сестер:

– Вот, и эта девушка начала страдать от диавола!

И стала молиться о ней:

– Боже, сотворивший ее по образу Твоему, – говорила она, – и повелевший ей избрать этот иноческий чин, Ты утверди ее в страхе Твоем и от бесовских наветов сохрани ее!

Потом она призвала к себе Евпраксию и спросила:

– Почему ты мне не сказала, что тебе было искушение от диавола, а скрыла это от меня?

А та упала игумении в ноги со словами:

– Просит меня, госпожа моя, что постыдилась сказать тебе.

– Дочь моя, – внушала ей игумения, – это начало твоей борьбы со врагом; крепись, чтоб одолеть его и получить венец!

Спустя несколько времени Евпраксия опять подверглась искушению диавола и рассказала одной сестре Юлии, которая очень ее любила и наставляла в подвигах. А Юлия сказала ей:

– Госпожа моя Евпраксия, не скрывай этого от игумении, но расскажи ей, как следует, чтоб она помолилась о тебе; говорят, она сама в юности много претерпела искушений от диавола.

Рассказывают, что она однажды ночью после сильного искушения вышла из кельи, стала под открытым небом, подняла руки к небу и пробыла так сорок дней и ночей без еды, без питья, без сна, стоя и молясь Богу, пока не победила диавола. И мы все бываем искушаемы врагом, но надеемся, что с помощью Христовой одолеем нашего искушителя. Поэтому, сестра, не удивляйся этому, не смущайся, но расскажи поскорее игумении о случившемся с тобою, не стыдись!

Услышав это, Евпраксия поблагодарила Юлию:

– Помоги тебе Бог, сестра, за то, что ты наставила меня и укрепила мне душу: я пойду и расскажу госпоже великой о том, что случилось со мной.

– И не только расскажи, – прибавила Юлия, – но и попроси ее помолиться о тебе и прибавить тебе подвига.

Евпраксия пошла и рассказала игумении об искушении диавольском. Игуменья сказала ей:

– Не удивляйся этому, дочь моя; со всяким оружием нападает на нас диавол, но не бойся, стань мужественно и непоколебимо, чтоб он не

одолеет тебя. Много еще тебе предстоит искушений от него; а ты подвизайся, чтоб победить его и получить от Христа, жениха твоего победные венцы. Усишь свой пост, сколько можешь: за подвиги получают честь. Скажи мне, дитя, как ты постишься?

– Я принимаю пищу через два дня, – отвечала Евпраксия.

– Прибавь еще один день к своему посту, – сказала игуменья, – и ешь на четвертый день после захода солнца.

Евпраксия приняла этот наказ с радостью. Евпраксии исполнилось двадцать лет от роду; она возмужала телом и была красива, – обнаруживая знатность своего рода.

Подвергшись опять искушению, она сообщила о том игуменье, а игуменья сказала ей:

– Пойди, дитя, и перенеси эти камни сюда и сложи их около печи.

Евпраксия тотчас начала носить эти камни. Среди них попадались большие, которые с трудом можно было бы поднять двум сильным сестрам. Она же их одна поднимала, клала на плечо и несла: она была сильна телом, а еще сильнее послушанием, и ни к кому не обращалась с просьбой помочь ей, потому что тяжелы камни, или потому что она голодна или выбилась из сил, – но с усердием исполняла

приказание. Когда же она перенесла все камни, то игуменья через несколько дней опять сказала ей:

– Нет, нехорошо, что эти камни лежат около печи, отнеси их опять на прежнее место.

Она ничуть не ослушалась, а снова принялась за дело и тщательно выполняла то, что ей было приказано. Удивлялись сестры такому послушанию ее, терпению и трудолюбию, а некоторые из молодых смеялись, другие же говорили:

– Крепись, сестра Евпраксия, будь тверда!

А она же была весела и пела за работой. Труд ее продолжался тридцать дней, когда игуменья приказала ей оставить это дело и послала ее на послушание в пекарню. Она исполняла с великой радостью всякие приказания; иногда сеяла в пекарне муку, месила тесто и пекла хлеба, иногда в кухне варила пиццу и колола дрова, иногда в столовой прислуживала сестрам: и ни в каком деле она никогда не заленилась, не ослушалась, не отнеслась небрежно, не роптала, но во всякой службе была добра, послушна, тщательна и терпелива. При всем том она никогда не пропускала обычного молитвенного правила в полночь, ни утреннего пения, ни первого, третьего, шестого и девятого часов;

после же вечернего пения она подавала кушанье постницам.

Диавол попытался еще раз потревожить ее ночным искушением. Однажды ночью он явился ей во сне в виде того юноши, с которым она было обручена: будто бы с множеством воинов он пришел похитить ее и насильно тащил из монастыря. Она лежала на своей постели и во сне начала кричать и звать сестер, чтоб помогли ей избавиться из рук похитителя. От ее крика проснулись сестры, сбежались к ней, разбудили ее и стали спрашивать, почему она кричала. Она рассказала про виденное во сне искушение диавольское, и все начали о ней молиться. Так как и снова ее тревожил искушитель, то игуменья сказала ей:

– Смотри, дитя мое Евпраксия, как бы диавол не подействовал на твой разум, как бы не пропал труд твой; потерпи еще немного, борись с ним мужественно, и он убежит от тебя.

И Юлия также говорила Евпраксии:

– Сестра, если мы теперь, пока юны и сильны, не станем бороться с нашим врагом и не победим его, то как нам победить его в старости?

Евпраксия отвечала ей:

– Жив Господь, сестра моя Юлия, если прикажет мне игуменья, то я не стану принимать пищи

целую неделю, пока с помощью Господа, не одержу победы над врагом, искушающим меня. – Право, сестра моя, – возразила Юлия, – я не могу столько поститься, а ты, если можешь, то хорошо сделаешь; во всем монастыре нет никого, кто бы мог не принимать пищи целую неделю, кроме матери нашей игумении.

Тогда Евпраксия отправилась к игумении и попросила у меня разрешения назначить себе такой пост, чтоб не есть целую неделю.

Игумения сказала ей на это:

– Делай всё, что можешь, дитя мое; да укрепит тебя Творец твой Бог и даст тебе одолеть диавола!

И начала Евпраксия поститься по целой неделе, принимая пищу только по воскресеньям и не оставляя в то же время на монастырских работ, ни услуг сестрам, так что все дивились столь великим подвигам ее. "Вот целый год следим мы за Евпраксией, – говорили некоторые из сестер, – ну, видали ли мы, чтоб она сидела, хоть бы когда ест? нет, и не могли видеть, – только разве когда ночью ляжет отдохнуть на постель, – а то и пищу вкушает стоя.

И все сестры любили ее за то, что она так трудилась и была так скромна, хоть и царского была рода, и молились о ней Богу, чтоб Он даровал ей крепость и спасение.

В числе сестер была одна, по имени Германа, которая, как говорили, происходила от простой и бедной рабыни; она одна не любила всеми любимой Евпраксии: диавол разжигал в ней зависть. Однажды Германа нашла в кухне Евпраксию одну за работой и начала браниться: – Евпраксия постится всю неделю, а мы не можем; что мы станем делать, если игуменья велит нам так поститься?

Евпраксия возразила ей:

– Извини, сестра, великая госпожа наша велела каждой подвизаться по своим силам, и на меня не насильно возложила этот труд.

Германа, разгневавшись, сказала:

– Обманщица, много в тебе разных хитростей! кто не знает, что ты нарочно это делаешь из стремления к суетной славе, чтоб все видели и хвалили тебя: ты хочешь, чтоб по смерти игумении, к тебе перешел ее сан; но я уверена, ей Богу, что тебе никогда не начальствовать над нами!

Евпраксия со смирением упала ей в ноги.

– Прости меня, госпожа моя, – сказала она, – согрешила я перед Богом и тобой!

Когда узнала об этом игумения, она позвала Герману и стала ей выговаривать при всех сестрах:

– Раба лукавая и безбожная! какое зло тебе сделала Евпраксия, что ты ей мешаешь в ее богоугодном деле? Ты будешь отлучена от церковных служб и трапезы с сестрами, как недостойная!

Евпраксия со слезами долго упрашивала игумению просить Герману и в течение тридцати дней не могла упросить; на тридцатый день Евпраксия взяла с собой Юлию и просила старших сестер похлопотать у игумении о прощении Германы. Игуменья позвала Герману и сказала ей:

– Разве ты не поняла, окаянная, какое великое зло мешать кому-либо в добром деле? ты не подумала и о том, что она дочь сенатора, из царского рода, и так смиренна, так отдалась Богу и служить тебе недостойной.

Тогда все сестры стали просить игумению за Герману; насилу умолили ее, и Герману простили. Таким образом, видимый враг на время оставил свою злобу, а враг невидимы, диавол, не переставал бороться с Евпраксией, злобствуя на нее за то, что был побеждаем ее смирением. Так, однажды ночью он навел на нее скверные мирские мечты, чем глубоко смутил ее. Она, как почуяла лютое нападение вооружившегося на нее врага, вскочила с постели, осенила себя крестным знаменем и

вышла из своей кельи; на дворе, на особом месте стала она, простерла руки свои к небу, вперивши в небо очи и ум, и стояла так молясь день и ночь, ничуть не двигаясь с места, как врытая в землю, сорок дней; в это время она не пила, не ела, не говорила ни с кем, не спала и не опускала рук. В начале ее стояния игумения, узнав об этом: пришла к ней и сказала:

– Да утвердит тебя, Бог, дитя, и подаст тебе терпение!

Евпраксии было тогда двадцать пять лет от роду. Когда она простояла две недели, игумения и сестры с улыбкой смотрели на такое терпение ее и радовались за нее. Прошло тридцать дней и стали удивляться сестры и говорили игумении:

– Матушка, как видно, Евпраксия хочет совершить твой сорокадневный труд, как ты бывало стояла также.

– Да утвердит ее Бог, отвечала игумения, будем все молиться о ней!

По прошествии сорока дней, она еще простояла пять дней, и потом в изнеможении упала на землю, и лежала как мертвая. Собрались сестры, внесли ее в комнату и не могли пригнуть ее рук: она вся была как деревянная и не могла произнести ни одного слова. Игумения принесла ей пищи, поднесла к ее устам и сказала:

– Дитя мое Евпраксия! во имя Господа нашего Иисуса Христа, съешь!

И тотчас она, взяв пищу, съела и заговорила, немного укрепилась и встала; ее повели в церковь, благодаря Христа Бога, укрепившего рабу Свою на такой подвиг. После этого Евпраксия стала понемногу принимать пищи и поправляться.

С этого времени диавол уже не мог более смущать Евпраксию скверными мечтаниями и разжиганием плотских страстей: невеста Христова одержала окончательную победу над его искушениями; тогда он начал изобретать против нее иные козни, как человекоубийца искони (Иоан.8:44): он захотел совсем лишить ее жизни следующим образом. Однажды блаженная Евпраксия пришла с водоносом к колодцу почерпнуть воды; а диавол, по попущению Божию, схватил ее и бросил в колодец; она, как потом сама рассказывала, дошла головой до дна колодца, но, всплывши наверх, ухватилась за веревку, свесившуюся с ведра в колодец, и воскликнула:

– Господи Иисусе Христе, помоги мне!

Раздались крики, что Евпраксия упала в колодец, собрались сестры с игуменией и вытащили ее. Она же перекрестилась и сказала с улыбкой:

– Жив Христос мой! не победишь меня, диавол, не уступлю тебе: до сегодняшнего дня носила воду в одном сосуде, теперь стану носить двумя. И стала так делать. После этого случилось ей колоть дрова для кухни; когда она взмахнула топором, чтоб ударить по полену, диавол свел ее руки; она ударила топором себе по ноге и рассекла голень; рана была очень глубока, и текло много крови. Она в изнеможении упала на землю и лежала словно мертва. Это видела Юлия; она испугалась, закричала и, прибежав к сестрам, рассказала, что Евпраксия поранила себя в ногу топором и умерла. Сошлись сестры и обступили ее с плачем: игуменья пришла, полила холодной воды ей на лицо и сказала ей, осенив ее крестным знаменем:

– Дитя мое Евпраксия! что ты помертвела? Взгляни и скажи что-нибудь сестрам: они скорбят о тебе.

Она открыла глаза и сказала игумении:

– Не плачь, госпожа моя матушка, душа во мне. Игуменья тогда обратилась с молитвой к Господу:

– Господи Иисусе Христе! исцели рабу Твою, за Тебя она так много страдает.

Потом, обвязав ей ногу волосяным платком, игуменья подняла Евпраксию и хотела вести в

келью. Она же, посмотрев и увидев лежащие дрова, сказала:

– Жив Господь мой! не пойду отсюда, пока не соберу дрова и не отнесу их на кухню.

– Я соберу, – сказала Юлия, – а ты ступай, ляг.

Но Евпраксия не дала Юлии собрать дрова, а сама набрала полную охапку поленьев и

понесла. В кухню надо было взбираться по лестнице; когда Евпраксия вошла на верхнюю

ступеньку, диавол заплел ей ноги и помешал ей: она наступила ногой на край своей одежды и

упала лицом на поленья, которые несла в руках; лучина возилась ей в лицо около глаза; Юлия

закричала, подбежала к ней и стала говорить:

– Не говорила ли я тебе, что ты не можешь нести дров, ляг, а ты не послушала меня.

– Не печалься, сестра, – возразила Евпраксия, – вытащи осторожно занозу из моего лица, а глаз мой невредим, по милости Божией.

Занозу вынули; много крови текло из раны;

игумения взяла масла и соли и, помолившись, помазала рану, а Юлия стала уговаривать

Евпраксию:

– Пойди, госпожа моя, ляг на постель и отдохни, а я послужу господам сестрам.

Но Евпраксия отвечала:

– Жив Господь мой, не буду отдыхать, пока окончу послушание мое сестрам.

Все сестры много упрашивали ее отдохнуть, так как рана ее болит, но она не захотела отдыхать; она стояла и варила пищу, а из обеих ран струилась кровь; она не легла, пока не кончила прислуживать сестрам и в трапезе; только, окончив совсем свою службу, поздно вечером пришла она к своей постели. Бог, видя такое терпение ее, скоро исцелил ее раны, и она выздоровела. А диавол разрывался от зависти и еще раз попробовал погубить ее. Однажды она вошла зачем-то на высокое здание вместе с сестрами; диавол сбросил ее сверху вниз.

Сестры, бывшие с ней, поспешили спуститься вниз по лестнице: они думали, что Евпраксия разбилась до смерти, упавши с такой высоты. А она поднялась с земли невредимая и шла им навстречу; на их вопрос, не разбилась ли она, она отвечала:

– Не знаю, как я упала и как встала.

И все славили Бога, сохранившего рабу Свою от смерти.

В другой раз, когда она варила для сестер зелень в котле и хотела отставить кипящий котел от огня, диавол подкосил ей ноги; она упала назад, а котел с кипящим кушаньем опрокинулся ей на лицо. Помощница ее Юлия закричала, что Евпраксия обварилась, и сбежались все бывшие

поблизости сестры; а Евпраксия быстро поднялась с земли и сказала улыбаясь Юлии: – Что ты наделала, сестра? понапрасну ты встревожила сестер и игуменью!

И все видели, что лицо ее невредимо, ничуть не обожжено. Игуменья заглянула в котел и увидела, что остатки кипятка на дне еще клокочут; тогда она спросила Евпраксию:

– Разве на тебя не попал кипяток?

– Жив Господь, – отвечала она, – я почувствовала словно холодную воду, а не кипяток на своем лице.

Удивилась игуменья и сказала:

– Да сохранит тебя Бог до конца, дитя мое!

Потом старшим сестрам она сказала наедине:

– Видите, Евпраксия сподобилась благодати Божией: упала с крыши и не разбилась, облила лицо себе кипятком и осталась невредима.

– Видим, – отвечали сестры, – что Евпраксия истинная раба Божия и что хранит ее Господь: от стольких искушений спас Он ее.

В этот монастырь приходили из ближнего города и окрестных селений женщины – мирянки, приносили своих больных детей, а также приводили и бесноватых: Господь, как сказано было выше, подавал исцеление больным и изгонял бесов по молитве богоугодной игумении и сестер, живших по Божьи. Они собирались в

церковь и устраивали совместные моления о разных больных, и те получали исцеление и возвращались домой здоровыми, была в том монастыре одна бесноватая, которую с юных лет ее мучил живший в ней лютый демон, князь других нечистых духов. Эта женщина была связана цепями по рукам и ногам; она скрежетала зубами, свистела, выпускала пену и громко кричала, так что все пугались ее крика. Много раз игуменья со старицами молилась в церкви Богу, чтоб отогнал Он беса от этой страдающей женщины, но молитвы их не были услышаны: по Божьей воле это оставалось для большого чуда и для показания святости невесты Христовой Евпраксии, как об этом будет сказано ниже. В этой женщине был такой лютый бес, что никто не мог к ней близко подойти; она была привязана в одной подвальной комнате к столбу, и пищу и питье ей подавали издали: привязывали посуду к длинной палке, клали туда хлеб, бобы и какую-либо зелень и протягивали к ней; а она часто, схватив посуду с палкой, бросала их в лицо подававших. Так держали ее долгое время в монастыре. Однажды привратница пришла к игуменье сказать, что явилась в монастырь какая-то женщина и плачет, а с ней восьмилетний ребенок, расслабленный и глухонемой, и просит

она помолиться об исцелении своего ребенка. Игуменя, зная по откровению от Бога, что Евпраксии уже дана благодать исцелений и власть над нечистыми духами, призвала ее к себе и сказала:

– Пойди, возьми ребенка у матери, которая стоит у вором, и принеси сюда.

Она пошла и, увидев совсем расслабленного ребенка, глухонемого, сжалась над ним, вздохнула и, перекрестив его, сказала:

– Бог, сотворивший тебя, да и исцелит тебя, дитя!

С этими словами она взяла его на руки и пошла с ним к игумении. Ребенок, пока она несла его на руках, тотчас исцелился, начал говорить и звать свою мать. Евпраксия, услышав, что ребенок заговорил, пришла в ужас и положила его на землю; а ребенок заговорил, пришла в ужас и положила его на землю; а ребенок встал и побежал к воротам, зовя мать. Привратница пошла и рассказала об этом игумении. Игуменья тогда позвала к себе мать этого ребенка и сказала ей:

– Что же это, сестра, ты искушать нас пришла со здоровым ребенком?

– Владыка Христос свидетель мне, госпожа моя,
– отвечала мать, – что до настоящего часа ребенок мой не говорил, не слышал, не

действовал руками, ногами ступить не мог, а когда эта честная девица взяла его на руки, тотчас заговорил, выздоровел и начал ходить.

Тогда игумения сказала этой женщине:

– Милостью Христовой выздоровел у тебя ребенок, иди с миром и благодари Бога.

Когда женщина с исцеленным ребенком ушла, игумения сказала Евпраксии:

– Я хочу, дочь моя, чтоб ты кормила из своих рук ту страдающую беснованием сестру в нашем монастыре, если ты не боишься ее.

– Не боюсь, госпожа моя, – отвечала Евпраксия, – и если прикажешь, буду это делать.

После того Евпраксия взяла хлеба и вареной пищи в посуде и принесла к бесноватой; та тотчас заскрежетала зубами, бросилась на нее и, схватив посуду, хотела разбить. Евпраксия же, взяв ее за руку, сказала ей:

– Жив Господь, я повалю тебя на землю, возьму посох нашей госпожи игумении и буду жестоко тебя бить, чтоб ты больше не бесчинствовала!

Бесноватая увидела, что Евпраксия гораздо сильнее ее, – Господь укрепил рабу Свою, – испугалась и замолчала. А святая начала ласково увещевать ее:

– Сядь сестра моя, – говорила она, – ешь, пей и не смущайся.

Та села, ела и пила и заснула. С этого времени перестали подавать ей пищу издали на палке, она брала ее из рук Евпраксии, и дивились все сестры. Если же когда бесноватая начинала смущаться, рваться и кричать, то сестры говорили ей:

– Замолчи, вот Евпраксия придет к тебе с посохом и прибьет тебя!

И тотчас бесноватая усмирялась и умолкала.

Вышеупомянутую Герману опять стала грызть в сердце зависть; она говорила другим сестрам:

– Разве никого нет еще из сестер, кроме Евпраксии, которая бы носила бесноватой пищу; дайте мне хлеб, и я так же буду служить бесноватой, как и Евпраксия.

Она взяла хлеб и кутью, подошла к бесноватой и сказала:

– Возьми, сестра, поешь!

Бесноватая же крепко схватила ее, разорвала на ней одежду донага, заскрежетала на нее зубами, повалила ее на землю, села на нее и,

навалившись, начала кусать и есть ее тело на плечах и шее. Раздался ужасный вопль, но никто не решался подойти к ней; тогда Юлия

поспешила в кухню и сказала Евпраксии:

– Германа совсем погибает от бесноватой!

Прибежала Евпраксия, схватила бесноватую за руки и за шею, и так избавила Герману, всю израненную и окровавленную.

– Разве хорошо ты сделала, – обратилась

Евпраксия к бесноватой, – так изранила сестру? А она стояла, скрежеща зубами и испуская пену.

– Жив Господь, – прибавила Евпраксия, – с этого времени, если ты причинишь зло какой-либо сестре, я не пощажу тебя, а возьму у игумении посох и без жалости буду бить тебя.

Тогда та легла и замолчала.

На следующее утро рано пришла Евпраксия навестить больную. Оказалось, что она разодрала на себе все одежды и, сидя нагая на земле, собирала свой гной и ела. Сжалилась над ней блаженная Евпраксия и прослезилась; потом одела ее в другую одежду, принесла ей хлеба, воды, накормила и напоила ее. Возвратившись в свою келью, она весь день плакала тайно от сестер и молилась, чтобы Господь исцелил страдающую; так и всю ночь пробыла она в молитве, а Бог открыл ее молитву игумении; на утро игуменья позвала ее к себе и спросила: – Дитя мое Евпраксия, почему ты скрыла от меня свою молитву о страдальце; если б ты мне сказала, и я бы потрудились вместе с тобой.

– Прости меня, госпожа моя, отвечала Евпраксия, я видела ее в таких мерзостях и сжалилась над ней.

– Дочь моя, – сказала ей игумения, – мне нужно тебе кое-что сказать; но смотри, не возгордись. Вот Христос дал тебе власть изгнать того беса, и на всех других бесов дана тебе сила.

Услышав это, Евпраксия упала на землю, посыпала себе голову землей и восклицала, говоря:

– Как мне, окаянной и такой скверной, изгнать беса, если вы столько лет молились и не могли до сих пор этого сделать.

Игумения сказала:

– Дитя мое, это дело дожидалось тебя, чтоб узнали, какая великая награда приготовлена тебе на небе; не прекословь, исполни, что тебе приказывают.

Евпраксия пошла сначала в церковь, бросилась на землю перед образом Господа нашего Иисуса Христа, омочила землю слезами, прося помощи свыше. Потом, помня приказание игумении, она отправилась к бесноватой; за ней шли все сестры, чтобы посмотреть, что будет.

Подошедши к больной, Евпраксия сказала:

– Исцеляет тебя Господь наш Иисус Христос, создавший тебя.

И осенила ее крестным знаменем Бес закричал страшным голосом: "Что эта за лживая и скверная монахиня! Сколько лет уже я живу в этой женщине и никто меня не изгнал, а эта нечистая хочет изгнать!"

– Не я тебя изгоняю, – сказала Евпраксия, – но Христос Бог мой, Жених мой!

А бес кричал:

– Не выйду, нечистая, у тебя нет силы меня выгнать!

– Я нечистая, отвечала святая, много во мне всякой скверны, как ты говоришь, но выйди из нее, тебе повелевает Христос Бог мой! А если не хочешь выйти, то я возьму посох у госпожи нашей игумении и буду бить тебя.

Бес долго возражал и всё не хотел выходить.

Тогда Евпраксия взяла у игумении жезл и пригрозила ему, говоря:

– Выходи, а то буду бить тебя.

– Как же я выйду из нее, – возражал бес, – когда я заключил с ней условие и не могу его нарушить?

Святая ударила три раза жезлом со словами:

– Выйди из создания Божия, дух нечистый – Христос Господь повелевает тебе.

Зарыдал бес:

– Куда мне идти? – говорил он.

– Иди в тьму кромешную, – отвечала святая, и в вечный огонь, на бесконечную муку, приготовленную тебе и отцу твоему сатане и всем, исполняющим вашу волю.

Все сестры стояли и смотрели издали, не смея подойти. Так как бес не хотел выходить и всё спорил, то святая Евпраксия подняла глаза к небу и воскликнула:

– Господи Иисусе Христе! не постыди меня в этот час, чтоб не порадовался из-за меня нечистый бес!

И тотчас бес закричал громким голосом и вышел, а женщина стала с тех пор совсем здоровая. Евпраксия взяла ее с собой, обмыла, одела в чистую одежду и повела в церковь; там все вместе прославляли и благодарили Христа Бога. А Евпраксия с того дня стала отличаться еще большим смирением служила всем сестрам, как рабыня. Когда матери приносили в монастырь больных детей, игуменья отсылала их к святой Евпраксии, а она, хотя и не хотела, но повинувась приказанию начальствующей, исцеляла их благодатию Христовой.

Когда приближалось время блаженной кончины святой Евпраксии, игумении было откровение от Бога во сне, что невеста Христова уже призывается в небесный чертог; очень встревожилась игуменья этим видением, – ей

жалко было расставаться с любимой Евпраксией; она стала плакать и никому не хотела говорить о своем видении. Старицы, увидев, что она тужит и плачет каждый день, сначала не смели спросить ее, почему она так тужит; потом сами так опечалились ее печалью, что обратились к ней с вопросом:

– Скажи нам, госпожа наша, матушка, почему ты так печальна? у нас сердце разрывается, глядя на твою печаль и слезы.

– Не заставляйте меня открыть вам до завтра, – отвечала игумения.

– Жив Господь, сказали старицы, – если ты не откроешь нам, матушка, то очень опечалишь нас.

Тогда игумения сказала:

– Я не хотела вам говорить до утра, но, если уж вы так просите меня, то слушайте: нас покидает Евпраксия, – завтра уходит она из этой жизни.

Но пусть никто из вас сегодня об этом не говорит ей, чтоб не смущать ее, – пусть она не знает этой тайны, пока не наступит ее время.

Услышав эти слова игумении, сестры горько заплакались: все очень любили Евпраксия и чтили, зная ее за великую угодницу Божию и истинную рабу и невесту Христову; лишиться ее для них была большая потеря. Одна из сестер услышала, что старицы плачут, проведала

причину, побежала тотчас в пекарню и застала там Евпраксию вместе с Юлией за печением хлебов.

– Знаешь, госпожа, – сказала она, – игуменья со старицами о тебе плачут.

Евпраксия и Юлия удивились этим словам и молча стояли. Потом Юлия сказала Евпраксии:

– Уж не упросил ли царя тот, твой бывший жених, взять тебя из монастыря силой, – не об этом ли скорбят игуменья со старицами?

– Жив Господь мой Иисус Христос, – отвечала святая, – хоть все царства земные соберутся, не смогут принудить меня оставить Христа моего; однако, госпожа моя Юлия, поди, узнай повернее, о чем это плачут; очень мне беспокойно на душе.

Юлия пошла, стала у дверей и слушала, что говорят, а игуменья в это время рассказывала старицам свое видение.

– Видела я, – говорила она, – двух честных мужей в светлой одежде; вошли они в монастырь и говорят мне: пусти Евпраксию, Царь ее требует; потом пришли другие два, еще светлее, и сказали: возьми Евпраксию и веди ее к Царю. Я тотчас взяла ее и повела; когда мы пришли к каким-то чудным воротам, – я их красоту и описать не могу, – они отворились сами собой, и мы вошли внутрь; там увидели

нерукотворную палату, полную несказанного блеска, и высокий трон; на нем сидел сияющий Царь. Я не могла войти внутрь, а Евпраксию взяли и повели к Царю; она поклонилась Ему в ноги поцеловала его пречистые стопы. Я увидела там бесконечное множество ангелов и святых, и все стояли и смотрели на Евпраксию. Потом я увидела Матерь Божию, Пречистую деву Марию, Владычицу нашу; Она взяла Евпраксию и показала ей прекрасный чертог и приготовленный венец, сияющий славою и честью. И слышала голос, который говорил ей: – Евпраксия! вот награда тебе и покой; но теперь иди, а через десять дней приходи и будешь наслаждаться этим всем бесконечные века.

Так рассказывала игуменья старицам о своем видении, а сама плакала и, наконец, сказала:

– Вот нынче десятый день с тех пор, как я видела, и завтра Евпраксия преставится.

Услышав это, Юлия стала бить себя в грудь и пошла в пекарню с плачем и рыданием. Увидела ее плачущую Евпраксия и сказала:

– Заклинаю тебя Сыном Божиим, скажи мне, что ты слышала, что так плачешь?

– Я плачу, – отвечала она, – потому, что сегодня мы расстаемся с тобой: я слышала от великой госпожи нашей, что завтра ты скончаешься.

Евпраксия, как услышала это, тотчас лишилась сил и упала на землю, словно мертвая. Юлия сидела над нею и плакала.

Потом Евпраксия сказала Юлии:

– Дай мне руку, сестра моя, подними меня и отведи меня в дровяной сарай; там положи меня.

Юлия так и сделала. Евпраксия лежала на земле, плакала и говорила Господу:

– За что, Владыка, ты погнушался мною, странницей, сиротой? За что презираешь меня? теперь бы мне время трудиться и бороться с дьяволом, а Ты теперь берешь у меня душу! Смилуйся надо мной, рабой Твоей, Господи, и оставь меня по крайней мере на один этот год, чтоб мне покаяться в грехах моих, потому что не покаялась я, нет у меня добрых дел и нет у меня надежды на спасение. Умершим нет покаяния, ни слез, и не мертвые хвалят Тебя, Господи, и не сходящие в ад, но живые благословляют имя Твое святое; дай мне один год, как бесплодной смоковнице.

Когда она так рыдала, одна из сестер услышала, пошла и сказала игумении со старицами:

– Кто рассказал ей, спросила игумения, о нашем разговоре и смутил ее душу? не запретила ли я вам сообщать ей эту тайну, пока не придет ее

час? Что вы наделали! Прежде времени смутили ее! Пойдите, приведите ее сюда!

Когда привели святую, она упала в ноги игумении, говоря:

– Отчего не сказала ты мне, матушка, что близка моя кончина; я бы поплакала о моих грехах! И вот теперь я отхожу без надежды на спасение: нет у меня благих дел. Пожалей меня, владычица моя, помолись обо мне Богу, чтоб Он дал мне пожить один год, дабы мне покаяться в грехах. Я отхожу без покаяния и не знаю, какая тьма обьмет меня и какая мука ожидает меня.

Игуменья на это сказала ей:

– Жив Господь, дочь моя Евпраксия, нетленный Жених твой Христос удостоил тебя небесного царствия и приготовил тебе прекрасный чертог и венец вечной славы.

И начала игуменья рассказывать ей всё свое видение о ней и так утешала ее, вселяя в ее душу надежду; кроме того она просила Евпраксию помолиться о ней Богу, чтоб Он и ее сподобил такой же участи. Евпраксия, лежа у ног игуменья, занемогла: сначала у ней сделался озноб, а потом жар обьял ее.

– Возьмите ее, – сказала тогда игуменья сестрам, и внесите в молельню, приходит ее час.

Ее взяли, положили в молельню и сидели возле нее, скорбя и плача до вечера; вечером игуменья

приказала сестрам принять пищи, а при Евпраксии остаться одной Юлии, так как та никогда не оставляла ее. Юлия затворилась с нею и пробыла до утрени. Она просила Евпраксию:

– Сестра, не забудь меня перед Господом! Вспомни, что я не расставалась с тобою; вспомни, что и грамоте я научила тебя; вспомни, что и к подвигу я побуждала тебя; умоли Христа, чтобы Он и меня взял с тобою! С наступлением утра увидела игуменья, что Евпраксия уже при последнем издыхании, и послала Юлию к сестрам сказать:

– Идите, проститесь в последний раз с Евпраксией: она кончается.

Собрались сестры, стали прощаться с ней, плача и говоря:

– Помяни нас, сестра, во царствии Христовом! Она же не могла говорить и молчала. После всех пришла и та, которую Евпраксия избавила от мучившего ее беса; она целовала руки ее со слезами и говорила:

– Эти святые руки много послужили мне недостойной ради Бога, ими отогнан был от меня мучивший меня диавол.

Евпраксия же ничего ей не отвечала, и сказала игуменья:

– Разве не жаль тебе этой сестры, Евпраксия, она так плачет, а ты ничего не скажешь ей?

Евпраксия взглянула на эту сестру и сказала:

– Что ты беспокоишь меня, сестра, оставь меня в покое, я при кончине уже; но бойся Бога, и Он сохранит тебя!

Потом, посмотрев на игумению, она сказала:

– Молись за меня, матушка, так как трудно душе моей в эту минуту.

И все сестры с игуменией стали молиться о ней и, когда, кончив молитву, сказали аминь, предала честную и святую свою душу в руки Божии святая и преподобная невеста Христова Евпраксия. Прожила она тридцать лет⁵. Много плакали над ней сестры, погребли ее подле матери ее и прославляли Бога за то, что сподобил их иметь в своей среде такую богоугодную сестру и проводить ее к Богу. Юлия же не покидала ее гроба в течение трех дней, плача и рыдая, а на четвертый день пришла к игумении веселая и радостная и сказала:

– Помолись обо мне, матушка; меня уже зовет Христос, Которого умолила за меня госпожа Евпраксия быть вместе с нею.

Сказав это, она простилась со всеми сестрами и скончалась на пятый день. Ее похоронили возле гроба святой Евпраксии. Через тридцать же

дней преподобная игуменья диаконисса Феодула созвала сестер и сказала им:

– Выберите себе мать вместо меня, которая бы могла управлять вами: меня зовет Господь; много молила Его обо мне госпожа Евпраксия, чтоб Он учинил меня вместе с нею и Юлией: Юлия вместе с Евпраксией также сподобилась чертога небесного; к ним отхожу уже и я.

Сестры все радовались за Евпраксия и Юлию, что они вошли в радость Господа своего, и молились, чтоб Он и их сподобил той же участи.

О матери же, оставляющей их, плакали они и выбрали себе начальницей одну из сестер, по имени Феогнию. Ее позвала к себе перед кончиной игуменья и сказала ей:

– Ты знаешь хорошо весь порядок и устав монастырской жизни, заклинаю тебя Пресвятою Единосущною Троицей, не приобретай для монастыря никаких имений, ни богатств, чтоб не занимать ум сестер земными заботам, чтоб из-за земных они не лишились благ небесных, но пусть они, оставив без внимания всё временное, получают вечное.

А сестрам она сказала:

– Вы знаете жизнь святой Евпраксии.

Подражайте ей, чтоб вместе с нею сподобиться чертога небесного.

Потом она, простившись со всеми в последний раз, велела ввести себя в молельню, затворить двери и никому не входить к ней до завтра. Наутро рано вошли к ней сестры и нашли ее скончавшейся о господе и с плачем погребли ее подле святой Евпраксии. С того времени никого более не хоронили на том месте; а от честных мощей этих угодниц Божиих бывало много чудес: подавалось исцеление всяких болезней, изгонялись бесы, которые громко кричали: – О, Евпраксия! ты и по смерти побеждаешь и изгоняешь нас!

Таковы были жизнь и подвиги преподобной Евпраксии, которая сподобилась небесной славы. Постараемся и мы подражать ей: будем приобретать смирение, послушание, кротость, трудолюбие, терпение, чистоту ее и целомудрие, чтоб и нам ее молитвами оказаться достойными вечных благ, радости и пребывания с ангельскими ликами, – чтоб сподобиться нам наслаждения славой Господа нашего Иисуса Христа в Царствии Его небесном всеми святыми в бесконечные веки, аминь.

¹ Феодосий Великий – император 379-395 гг.

² Византия – мегарская колония, основанная в 658 г. до Р. Хр. на европейской стороне Босфора; замечательная по своим удобствам

бухта золотого рога и господствующее положение на узком проливе, соединяющем Черное море с Мраморным, обеспечивали за ней важное торговое и промышленное значение. Император Константин Великий, оценив выгоды положения Византии, перенес сюда (в 330 г.) столицу Римской империи, благодаря чему Византия приобрела всемирно-историческое значение; она прервала связь с прошлым и стала называться Константинополем, Новым Римом.

³ Литра – мера веса около фунта.

⁴ Диакониссы были уже во времена Апостолов. Апостол Павел в послании к Римлянам (16:1) упоминает о Фиве, бывшей "служительницею церкви Кенхрейской"; в послеапостольское время о диакониссах упоминают часто соборы (I Всел., пр19; IV Всел., прав. 15; VI Всел., прав, 14), а также отцы и учителя церкви и императоры в своих законах (Юстиниан, новел. 3, 6 и 123). В диакониссы сначала избирались преимущественно девы, а из вдов лишь "верные и благоговейные, бывшие замужем только один раз" (Пост. Апост., кн. VI, 18); но при императоре Юстиниане дозволено было избирать из тех и других и притом ранее 40 лет, хотя действительное служение поручалось им по достижении этого возраста. (IV Всел, пр. 15; Юстиниан новел. 123); лишь женщины,

отличавшиеся благочестивою жизнью, сразу назначались в диакониссы без всякого испытания. Обязанности диаконисс заключались в следующем: 1) они готовили женщин к крещению, 2) помогали служителям церкви при самом крещении женщин, 3) исполняли разные поручения епископа касательно женщин, – посещали больных и впавших в несчастья, 4) наблюдали за благочинием в храме среди женщин и детей.

⁵ Св. Евпраксия скончалась около 413 г.: когда Евпраксия, написав царю письмо с отречением от брачного союза, избрала еще строжайшие прежних подвиги, ей было 12 лет, царь около того времени умер в 395 г.; Евпраксия же скончалась 30 лет, подвизаясь еще 18 лет, отсюда 18+395 дают 413 г.

